

И. Лукаш

Голое поле

Книга о Галлиполи: 1921 г.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Лукаш**
Голое поле: Книга о Галлиполи: 1921 г. / И. Лукаш – М.: Книга по Требованию,
2024. – 80 с.

ISBN 978-5-517-98161-5

ISBN 978-5-517-98161-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

выгорѣвшій обрывокъ, онъ хруститъ подъ моимъ затылкомъ: обрывками заклеены клопидныя щели, известка въ коричневыхъ помазкахъ крови. Эготъ сѣрый, полуобваленный греческій домъ — настоящій клоповникъ.

А окна на площадкѣ нѣтъ. Нѣтъ, — окно вышиблено, и провалъ въ стѣнѣ полузавѣшенъ одѣяломъ. Желтое одѣяло корузло здѣсь и зимой, когда заметалъ площадку мокрый снѣгъ и приходилось отряхивать бѣлыя горки иinea съ подушки.

Стоитъ теперь угрюмая жара. Воздухъ давитъ, какъ накаленный мельничной жерновъ, а съ бурой площади, гдѣ стоятъ грузовые автомобили, мететь на площадку колкую сѣрую пыль.

Она здѣсь живетъ, вотъ уже скоро годъ. Она, и ея мужъ, — офицеръ-летчикъ съ синими, чуть померклыми глазами.

— Послушай, первый парадъ былъ у насъ подъ окномъ. Осенью, въ дождь. Зеленыя шинели дымилась. Я слушала, какъ они топчутся подъ окномъ: На ногахъ вмѣсто сапогъ намотано тряпье, а сапоги расквашены и всѣ пальцы наружу. Стоять по щиколотку въ грязи, подъ дождемъ. Имъ командуютъ — стройся, а они и не знаютъ, какъ строиться. Они все забыли. Они толкуются и топчутся. Ну, такіе милые, ну, такіе родные, — ты понимаешь, я плакала.

Смотрю я въ ея родные, каріе глаза, и легко, и тихо вспоминаю коричневое платье гимназистки и серебряный ключикъ отъ зеленого портфеля. Вспоминаю, какъ зимой она приходила съ мороза со своимъ мичманомъ и щеки горѣли, и морознымъ дымомъ пахли каштановые волосы, а на шелковистой, бурой лисицѣ таяли бисеринки петербургской изморози..

— А теперь ты видишь, какіе у насъ щеголи ходятъ. Всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ и всѣ въ сапогахъ. Шагъ печатаютъ. Но когда запоютъ, я всегда плачу.

Словъ я не слышу, но знаю, что про Россію и у меня такая тоска. — понимаешь.

Осенній парадъ былъ, можетъ быть, въ тотъ день, когда генераль Кутеповъ верхомъ, въ первый разъ, проѣхалъ въ лагерную стоянку Шумѣль дождь и влажные, темныя лохмотья тучъ волочились, цѣпляясь дымно за горы. Конь по брюхо забираяся въ глинистую вязь дороги.

Для русскаго лагеря отвели мѣсто на землѣ какого то турецкаго полковника, по долину, у горъ, гдѣ въ большую войну стоялъ англійскій лагерь. Англичане звали свою стоянку „Долиной розъ и смерти“, потому что по разсѣлинамъ, надъ долинной рѣчкой, ползли гибкія заросли алаго шиповника и потому, что много умирало англійскихъ стрѣлковъ отъ укусовъ змѣй и москитной лихорадки.

Дымила сѣрымъ дымомъ долина. Оглядѣлся Кутеповъ и сильно ударилъ коня шпорами въ бокъ, и повернулъ обратно въ Галлиполи.

Тамъ, у мола, гдѣ пушечнымъ грохотомъ прокатывался прибой, съ ночи стояли выгруженные на берегъ войска. Подстеливъ шинели въ грязь, лежали тифозные. Солдаты устали, солдаты спали, накрывшись съ головой мокрыми шинелями. Тамъ юнкера, топя захладовавшими ногами, пѣли. Пѣли потому, что замерзли, потому, что хотѣлось выть отъ голода и уже трудно было сжимать красные и мокрые, скорченные холодомъ пальцы. Вѣтеръ и дождь несли смутный вой.

— Мама, мама, что мы будемъ дѣлать

Когда настануть зимни холода .

Пѣсенка о мамѣ была первой русскою пѣсней, какую услышалъ осенній Галлиполи.

— Когда я повернулъ коня и поскакалъ назадъ, — я понялъ что дѣлать — рассказывалъ генераль о первыхъ дняхъ Галлиполи своимъ близкимъ.

На молу, гдѣ бѣжалъ стадами бѣлыхъ волковъ прибой, на холодномъ дождѣ, вповалку, промокшіе до нитки, топталась женщины, дѣти, солдаты. Это была измученная толпа, голодные, нищіе, вываленные изъ чернаго нутра транспортовъ, стонущая на лдяномъ дождѣ, поднятая вѣтромъ человѣческая пыль...

Оборванные погоны. сырыя шинели на голову мѣшкомъ. На молу никто не зналъ какаѣ часть, какой волкъ. На молу — все смѣшалось.

И подъ дождемъ мокли, дымились и никли свернутыя знамена.

Кутеповъ вошелъ въ толпу. Кто-то не отдалъ честь. Рѣзко окрикнулъ Кутеповъ

— Честь! Вы бѣженецъ, или солдатъ?

Кутеповъ понялъ, что безъ дисциплины не будетъ и арміи, а въ дисциплинѣ нѣтъ ничего мелкаго, и неважнаго, а въ дисциплинѣ все важное и все главное, — даже и не поднятая къ козырьку рука и неврышитый погонъ. Зналъ Кутеповъ отъ какихъ пустяковъ, отъ какихъ мелочей начался великій развалъ величайшей арміи.

И въ первые же дни приказалъ Кутеповъ кого-то арестовать и посадить на гауптвахту. Онъ, вѣроятно, такъ думалъ: армію ждетъ Россія, а чтобы сохранить армію, надобно сохранить дисциплину. Онъ, вѣроятно, думалъ, что такъ надобно Россіи.

И отсюда, отъ мола, гдѣ все смѣшалось и поникали знамена, пошла исторія знаменитой галлиполійской гауптвахты, или Губы въ — просторѣчій

Кутеповъ рѣшительный, желѣзнаго закала генераль. Когда былъ онъ еще мальчишкой-гимназистомъ, онъ на особую статью воспитывалъ волю: заставлялъ будить себя ночью, одѣвалъ мундиръ и маршировалъ, маршировалъ, борясь со сномъ. Человѣкъ онъ добрый и простой, у него сощуренная, ласковая усмѣшка, заразителенъ его смѣхъ и широкое, загорѣлое его купецкое

лицо похоже на окладистый ликъ столыника московитскаго. Кутеповъ — челоуѣкъ простыхъ вкусовъ и простыхъ ошущеній. Весь онъ широкъ, низокъ и приземистъ. И когда онъ стоитъ, онъ точно вросаетъ въ землю. Вся его сила въ ногахъ и весь онъ похожъ на того вросшаго въ болотную петербургскую гать бронзоваго битюга, что сторожить съ бородастымъ понурымъ паремъ Санктъ-Петербургъ.

Началась исторія Губы. Губа — крѣпкій рычагъ армейской жизни, Губа — основной тонъ воинской лямки и воинскаго будня.

У квадратной маленькой Галлиполійской бухты, забитой легкими фелюгами, что качаютъ сѣрыми мачтами, а сами, какъ жеманныя птицы, — на набережной, гдѣ примостились на сѣромъ булыжникѣ низкія стайки соломенныхъ стульевъ турецкихъ кафе, — стоятъ въ выцвѣлыхъ рубахахъ, съ винтовками черезъ плечо, усатые русскіе часовые: за деревянными мостками поднимается, выложенная сѣрыми плитами, широкая стѣна Губы.

Разсказываютъ, что строили сѣрую стѣну Венеціанскіе рыцари. Разсказываютъ, что въ каменномъ голломъ казематѣ, подъ обросшими черной копотью балками потолка, отыскались запорожскія надписи, молитвы Исусу плѣнныхъ Остаповъ.

Все Галлиполи, какъ пыльный, выжженный солнцемъ проѣзжій трактъ исторіи. Здѣсь Ксерксъ поролъ ржавыми цѣпями Геллеспонтъ. Подъ Галлиполи стояли шатры крестonosцевъ. На другомъ берегу залива тянется желтая ленточка домиковъ греческаго городка, гдѣ родился по преданію Аристофанъ.

Галлиполи, — Городъ Красоты, сталъ теперь пустыннымъ Голымъ Полемъ, какъ прозвали его русскіе солдаты. Пропылили столѣтія и раскидалось теперь пыльное кладбище. Всюду, по узкимъ улицамъ, надъ бѣлыми площадями, у моря — подымаются теперь къ солнцу,

сѣченные изъ мрамора, бѣлые тюрбаны на покривленныхъ столбахъ турецкихъ могилъ.

У сѣрыхъ стѣнъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ и огнемъ англійскихъ кораблей, и надъ песчаными откосами, сухо шурша, качается бурый репей. Узкія ящерицы вьются, скользя по могильнымъ плитамъ. гдѣ залегла въ змѣистыхъ завиткахъ арабскихъ буквъ вѣковая пыль. Шелеститъ подъ шагами выгорѣлая трава. Бѣловатый песокъ жжетъ подошвы. И всюду сухой шелестъ репья и ящериць.

А за Галлиполи, до синихъ, прозрачныхъ горъ, — золотыя пшеничныя поля, гдѣ носятся черными хлопьями галочки стаи. Трепещетъ воздухъ тревожнымъ тресетомъ ихъ крыльевъ. Сѣрыя каменные мельницы, похожія на башни замковъ, едва шевелятъ парусновыя круглыя крылья, обтянутыя по краямъ бичевой, точно черной паутиной. Шумятъ у дороги обсыпанные сѣрымъ пепломъ пыли узловатыя и суровыя платаны. Подъ ними въ полдень отдыхаютъ громадные голубовато-сѣрые волю съ раскинутыми бѣлыми рогами. Выкачены у воловъ добрыя, темныя и влажныя зрачки и сочатся ихъ морщинистыя ноздри, а на мягкихъ, сѣрыхъ загривкахъ сверкаютъ подъ солнцемъ синія, стеклянныя бусинки отъ сглаза.

Оглянешься кругомъ, золотое море, золотая тяжелая пыль, накаленные солнцемъ бѣлые тюрбаны, а за ними синее море.

Море синее, въ бѣлыхъ трепетныхъ дорожкахъ пѣны, гулкое ровнымъ дыханіемъ неумолкаемаго прибоя. Дыханіе моря носится надъ Галлиполи. Отходитъ, — приходитъ, обиваетъ своей соленой росой сѣрую пыль, грохочетъ гулкимъ грохотомъ, точно внизу, у темныхъ, камней, покатыхъ, какъ черепашии спины, гдѣ, свистя, льется шумная пѣна, — скачутъ, гремя копытами тяжко вздыхающіе табуны.

Надъ синимъ моремъ синими призраками виснутъ горы. Такія нѣжныя, такія снiя и такія женственныя...

Городъ Красоты, Галлиполи, — гдѣ сверкали подъ солнцемъ бѣлыя перья рыцарскихъ шлемовъ. гдѣ у свѣтло журчащихъ акведуковъ торговали рабынями со всего Востока, — выгорѣлъ въ вѣкахъ и уснулъ теперь обожженнымъ, пыльнымъ кладбищемъ.

И только у Губы, въ порту, шевелится жизнь.

На соломенныхъ стульяхъ, разставивъ ноги и выкативъ животы, обверченные грязными красными кушаками, сидятъ турки. Чистильщики сапогъ, чумазы еврейчата-испаньолы пристроились у самой воды и звонко барабанятъ щетками о свои черные лари.

— Почистить, почистить. Руссь, карашо

Подъ холщевыми навѣсами лавокъ, гдѣ пахнетъ корицей и лукомъ, на рогожахъ, громоздятся зелено-желтыя головы дынь, кажутъ багряныя, пухлыя щеки помидоры, а изъ темныхъ, мокрыхъ корзинъ свисаютъ матовыя гроздыя винограда.

Бѣлыя феяюги, съ синими и зелеными узорами по бортамъ, съ легкой лебединой грудью, что ходятъ и въ Афины, и въ Одессу, качаютъ въ небѣ стройныя мачты. Въ солнечной водѣ сплетаются и рябятъ тѣни мачтъ, зеленыя и синія полосы, бѣлыя паруса...

Протопотали, маслянисто сверкая глянцевитыми затылками, подъ низыми касками, черные сенегальцы, — Сережками зовутъ ихъ русскіе солдаты. Потряхивая золотыми брелоками цѣпочки, спѣшить куда то грекъ, сдвинувъ желтое канотье на затылокъ, а потъ виснетъ капелькой съ горбатаго, хищнаго носа. Весело болтая, прошли коротконогіе французы, потные и красные, точно изъ горячей бани. Печатаетъ шагъ, ровно отмахивая руками, взводъ бѣлыхъ русскихъ юнкеровъ.

У порта — городской фонтанъ. Широкія, темныя плиты мостовой всегда мокры и блестятъ. Вода свѣжо звучитъ и сверкаетъ. Радостно звенятъ ведра и жестыя баклагги.

А въ кафе у порта — прохладно. Отъ воды по бѣлому потолку ходятъ солнечные водянистые разводки. По бѣлой известкѣ стѣнѣ — свѣжая роспись: кальяны съ малиновыми чубуками въ золотомъ плетеньи, бутылки, налитыя прозрачнымъ, золотистымъ виномъ, серебристо-красные попугаи и огромныя, бѣлая русскія ромашки. Живописаль русскій. Русская роспись во всѣхъ турецкихъ кафе у порта.

Вечеромъ въ кофейнѣ „Олимпіумъ“, у мола, зажигаютъ четыре мѣдныя керосиновыя лампы съ рефлекторами. И бренчитъ тамъ вечеромъ на піанино русская офицерская жена старые романы „Пара гнѣдыхъ“, и „Ахъ да пускай свѣтъ осуждаетъ“

А на шаткой верандѣ, что выходитъ въ море, на подпавкѣ, между облѣзлыхъ, узкихъ, крашенныхъ въ бѣлое столнковъ, ходитъ русская ресторанныя барышня. Подведены ея влажные глаза и губы тронуты карминомъ, какъ у всѣхъ ресторанныхъ русскихъ барышень въ Турціи.

Но ее здѣсь не тронуть. Ее здѣсь не обидятъ чужіе. Ей не испилютъ до синяковъ руки, какъ шиплютъ въ кафе Стамбула. Она своя, Полковая Маша, идущая съ полкомъ походомъ еще отъ Ростова и Новороссійска.

Осенью бывали кражи, были и грабежи, а по вечерамъ, на огни кафе, выходили изъ темноты блѣдныя русскіе солдаты за милостыней. И былъ такой случай: въ греческій трактиръ, гдѣ были кошачьи нѣсны загулявшіе фелюжники, пришелъ за милостыней солдатъ, а фелюжники затѣяли шутку: налили стакавъ водки, наложили горку мѣдныхъ лептъ. — Вотъ, русскій, бери вино и деньги, только стань на колѣни. —

Солдатъ пришелъ съ осенняго дождя. Въ тѣ дни вшивые, оборванные и голодные русскіе бродяги, вываленные на берегъ съ кораблей, — забирались въ темныя кафе, къ огню, и брали одну чашечку густого.

горьковатаго кофе на десятерыхъ, лишь-бы набратся тепла, лишь-бы отогрѣться. Въ тѣ дни грохотало море и холодный дождь прихлестывалъ къ землѣ спящихъ вповалку. Въ тѣ дни стояла у всѣхъ на душѣ стуженая, черная ночь.

Русскій нищій потоптался, наслѣдилъ опорками, и сталъ вдругъ опускаться на колѣна. И вотъ тогда то, такая ресторанныя барышня, офицерская жена, ахнула, заломивъ руки, смахнула со стола рюмки и горку зазвенѣвшихъ лептѣ и кинулась къ солдату.

— Не смѣй. Не становись на колѣни Ты — русский.

И было, вѣроятно, что-нибудь страшное въ ея крикѣ, потому что нищій бѣжалъ, а черноусые, заросшіе волосомъ, цѣпкіе, какъ обезьяны, фелюжники молча поднялись и ушли.

Зовутъ эту офицерскую жену Викой. У ней стриженыя бѣлокурые волосы, пепельная родинка на крутомъ подбородкѣ и ясныя и веселыя ямочки, когда она улыбается. Въ прошломъ году она кончила гимназію въ Симферополѣ. Ея Коля заболѣлъ туберкулезомъ и вотъ теперь надо работать.

— Ну что же, какъ нибудь, какъ нибудь. Всѣ терпятъ. — говоритъ она и мгновенно краснѣетъ, перебирая худенькими загорѣлыми пальцами звонкіе стаканы

Было это въ декабрѣ. Когда студеная ночь шла у всѣхъ въ душѣ. Когда люди бредили опрокинутыми орудійными передками, взорванными броневыми машинами, кровью и дождемъ и угольными ямами ковраблей, гдѣ несмываемая черная пыль забирается въ каждую бороздку кожи.

Было это въ декабрѣ. А теперь нѣтъ въ Галиполи русскихъ нищихъ. Теперь цѣпкіе греки почти-тельно кланяются и турки медленно привѣтствуютъ русскихъ, прикладывая два пальца къ фескамъ.

Сонные парикмахеры въ накаленныхъ солнцемъ лавченкахъ, заглядывая на ваше лицо въ тусклое, засиженное мухами, зеркало, внимательно и любезно будутъ брать кончикъ вашего носа двумя пальцами, пахнувшими лукомъ и табакомъ, и спрашивать, какъ заправскіе русскіе парикмахеры:

— Стричь, брить? .. Карашо.

Черные сенегальцы-Сережки не понимаютъ грековъ и греки не понимаютъ Сережекъ. И идетъ у нихъ между собой разговоръ на языкѣ русскомъ. Сережки скалятъ зубы, вращаютъ тихо и ужасно бѣлками и жарко лопочутъ по русски:

— Сколько стоитъ? Дай еще Иди сюда..
Нѣтъ хорошо...

Турчанки записываютъ длинныя и плавныя русскія фразы, что слышать отъ жильцовъ-офицеровъ. Записываютъ легкими ленточками-каракульками и повторяютъ ихъ, и хлопаютъ въ ладоши, и радостно смѣются, слушая непонятную музыку чужого языка.

Гибкія какъ кошки турчанки влюбляются мгновенно и внезапно въ русыя гяуровъ и уже до десяти Аньфэ и Фатимъ стали женами русскихъ офицеровъ.

Русскій языкъ — разговорный языкъ Галлиполи. Маленькія турчанки, коричневыя, быстроглазыя, похожія на легкихъ блохъ, метя босыми ножками въ пыли и подхвативъ свои сатиновыя шальвары на руки, поютъ, ужасно визжа, одесскую пѣсенку, не то „Ахъ зачѣмъ эта ночь“, не то „Полюбилъ всей душой я дѣвицу“

Греческіе ребята, всѣ длинноносые и всѣ съ надутыми круглыми животами, съ утра играютъ въ солдаты и командуютъ по-русски:

— Смирно... ш-а-г-о-мъ аршъ.

Ни русскихъ бродягъ, ни русскихъ нищихъ нѣтъ больше въ Галлиполи. Есть теперь обѣдѣвшій рус-

скій господинъ, до шепетильности чисто одѣтый, большой, сильный, добрый, но очень обѣднѣвшій, до того, что приходится загонять ему иногда обручальныя кольца, пару сапогъ, кофоду картъ, американскую рубаху и облѣзлый мѣхъ, вывезенный еще изъ Москвы. Не безъ Кутеповской Губы обратился русскій бродяга въ русскаго господина.

Самъ Кутеповъ, получающій какъ и всѣ по двѣ лиры, какъ говорятъ загналъ пару хорошихъ сапогъ, женины платья и подаренную полкомъ бекешу, а генеральскія штаны замѣтно потерты, но шепетильно чисты.

Онъ говорилъ рѣдко, а если говорилъ — были просты и чисты его слова, какъ бѣненіе сильнаго сердца. Онъ говорилъ: — „мы русскіе, мы ея послѣдніе солдаты и насъ ожидаетъ Россія“. И въ его простыхъ и ровныхъ словахъ простого, русскаго съ головы до пятъ, челоуѣка — каждый слышалъ бѣненіе своего сердца.

Говорилъ рѣдко, но чего только не дѣлалъ этотъ литой солдатъ. Приказомъ его суда полковники за пьянство разжаловались въ рядовые, назначалось по 15 сутокъ аресту за непришитую пуговицу, за рваную штанину. Для него были равны и офицеръ, и солдатъ, и онъ безжалостно, не взирая на лица, смывалъ всякую грязь, всякій нагаръ съ солдатской чести. Это онъ навалилъ на усталыхъ людей глухую лямку строевыхъ занятій, муштры, шагистики, козырянья. Это онъ взнуздаль Галлиполи желѣзнымъ мундштукомъ желѣзной дисциплины.

Кто хотѣлъ уходить — тѣхъ не задерживалъ. Французы сгоняли людей въ Бразилію, громадный прокопѣлый „Решидъ-Паша“ много разъ теръ свой высокій бортъ у Галлиполійскаго мола и густымъ, сиплымъ гудкомъ звалъ русскихъ домой, обратно, на родину.

И уходили. А генераль взялъ и выдумалъ еще такой странный приказъ. Всѣ желающіе могутъ уйти изъ арміи, за трое сутокъ заявивъ объ уходѣ. Но